

«Жертөледе балалар гестапо ойнады»: садистік тақпақтарды өзектендірудің ойындық, психоаналитикалық және қарсы насихаттық механизмдерінен бастап, сыртта тұрып мазақтағанға дейін

Татьяна Кукса

Аннотация: Зерттеу ауызша түрде алдымен қалалық фольклор ретінде қолданылған, содан кейін интернетлорге айналған садистік өлең шумақтары мен қос тармақтардың прагматикасын, синтаксикасын және семантикасын талдауды ұсынады. Батыс Еуропа мен орыс әдебиетіндегі қара әзілдің әдеби бастаулары туралы мәліметтерден басқа, автор фольклористердің тақпақтардың авторлық шығу тегі туралы күмәндарын және кейінгі кеңестік студенттер мен мектеп оқушылары ортасында ауызша ұйқасты мәтіндердің жазып алынғандығының дәлелдері туралы сипаттайды. Алғашқы баспа басылымдары және жаңа фольклорлық жанрды ғылыми айналымға енгізудің қиындықтары туралы мәліметтермен қатар, мақалада гротескілік-абдырататын тақпақтардың жазбаша және желіге таралу және ауысу себептері, сондай-ақ олардың кез-келген, соның ішінде қазіргі заманғы жағдайларда танымалдығы мен өнімділігінің құпиялары түсіндіріледі. Осы мақалада келтірілген әр түрлі жастағы аудиториялар үшін жанрдың қолданылу прагматикасы мен мәнмәтіндерінің әртүрлі ғылыми интерпретациялары келемеждеу мен пародиялау мәнін түсіндіруге мүмкіндік береді, соның арқасында тақпақ кейінгі кеңестік және қазіргі жағдайда ауызша, жазбаша және желілік түрде қолданылады және өзектендірілуде.

Түйінді сөздер: садистік тақпақтар; қара әзіл; постфольклор; интернетлор; прагматика; проективтік инверсия; қос ой; сыртта тұру; өлім алдындағы қалжың.

«Дети в подвале играли в гестапо»: от игровых, психоаналитических и контрпропагандистских механизмов актуализации садистских стишков до иронии вненаходимости

Татьяна Кукса¹

Аннотация: В исследовании представлен анализ прагматики, синтактики и семантики садистских четверостиший и двустиший, бытовавших в устной форме сначала как городской фольклор и потом трансформировавшихся в интернетлор. Помимо данных о литературных истоках черного юмора в западноевропейской и российской словесности, автором описаны сомнения фольклористов в авторском происхождении стишков и свидетельства фиксации устных рифмованных текстов в среде позднесоветских студентов и школьников. Наряду со сведениями о первых печатных публикациях и сложностях введения нового фольклорного жанра в научный оборот, в статье представлены причины распространения и перехода гротескно-шокирующих стишков в письменное и сетевое бытование, а также объяснены секреты их популярности и продуктивности в любых, в том числе современных условиях. Различные научные интерпретации прагматики и контекстов бытования жанра для разных возрастных аудиторий, приведенные в настоящей статье, позволяют объяснить предмет высмеивания и пародирования, благодаря которому стишок функционирует и актуализируется в устной, письменной и сетевой форме в позднесоветских и современных условиях.

Ключевые слова: *садистские стишки; черный юмор; постфольклор; интернетлор; прагматика; проективная инверсия; двоямыслие; вненаходимость; юмор висельника.*

¹ e-mail: tkuksa@hse.ru, ORCID: 0000-0002-8696-7284, начальник отдела реформирования законодательства Института государственного и муниципального управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

“Children in the basement played the Gestapo”: from gaming, psychoanalytic and counter-propaganda mechanisms for the actualization of sadistic verses to the irony of outsidersness

Tatiana L. Kuksa¹

Abstract: The research presents an analysis of the pragmatics, syntactics and semantics of sadistic quatrains and couplets that existed orally and transformed into internetlor. In addition to data on the literary origins of sick humor in Western European and Russian literature, the author of the article describes the doubts of folklorists about the author’s origin of verses and evidence of the fixation of oral rhyming texts among late Soviet students and schoolchildren. Along with information about the first printed publications and the difficulties of introducing a new folklore genre into scientific circulation, the article presents the reasons for the spread and transition of grotesque shocking rhymes into written and network existence, and also explains the secrets of their popularity and productivity in any, including modern conditions. Various scientific interpretations of the pragmatics and contexts of the existence of the genre for different age audiences presented in this article, allow us to explain the subject of ridicule and parody, thanks to which the verse functions and is reinvented in oral, written and online form in late Soviet and modern conditions.

Key words: *sadistic verses; sick humor; black humor; post-folklore; internetlor; pragmatics; projective inversion; doublethink; outsidersness; gallows humor.*

¹ e-mail: tkuksa@hse.ru, ORCID: 0000-0002-8696-7284, Head of the Legislation Reform Department, Institute for Public Administration and Governance, HSE University

Введение

Мое исследование нацелено на анализ прагматики, синтаксиса и семантики устных садистских стишков (жанра городского фольклора), необходимый для объяснения предмета высмеивания и пародирования, благодаря которому рифмованные тексты функционируют, воспроизводятся и передаются в устной, письменной и сетевой форме в позднесоветских и современных условиях. Для достижения обозначенных целей я последовательно решаю следующие задачи.

(1) Помимо данных о литературных истоках черного юмора в западноевропейской и российской словесности, мною приведены сведения о происхождении стишков и свидетельства фиксации устных текстов у позднесоветских студентов и школьников.

(2) Наряду с описанием первых печатных изданий мною перечислены трудности введения в научный оборот и причины распро-

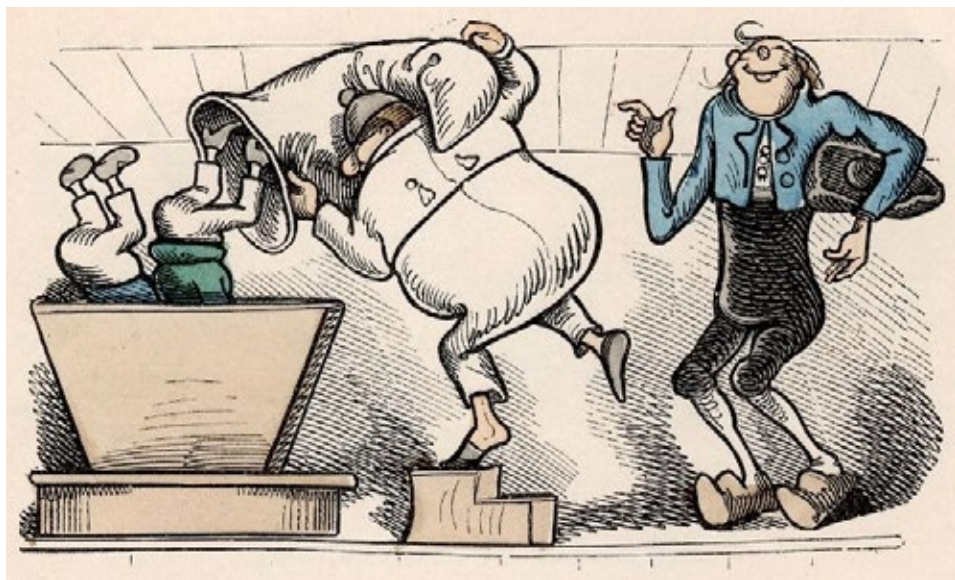

Рисунок 1. Макс и Мориц. История мальчика в семи розыгрышах. Вильгельм Буш. 1906 год. Мюнхен. Издательство Браун и Шнайдер.

странения нового фольклорного жанра, его перехода к письменному и сетевому существованию (для подтверждения чего прилагаются современные тексты стишков, которые воспроизводили и репостили взрослые пользователи социальных сетей в 2020 году).

(3) Мною выделена типичная синтаксическая структура садистского стишка и структурно-семантическая классификация позднесоветских сюжетов, когда либо героя убивает непреодолимая сила, либо он сам причиняет вред и смерть другим, либо герой становится жертвой взрослых персонажей.

(4) Вариативные академические интерпретации прагматики и контекстов существования фольклорного жанра для разновозрастной аудитории, проанализированные мною, позволили раскрыть все многообразие гипотез в отношении популярности и продуктивности гротескно-шокирующих четверостиший и двустиший.

Генезис жанра

Жанр садистских стишков принято рассматривать в рамках смеговой культуры и относить к разновидности черного юмора. Истоки развития черного юмора в России в 19 веке, а также характеристика официально признанных и неофициальных, маргинальных форм комиксы в 20 веке, предшествующих появлению и расцвету садистских стишков в 1970-1980-е годы, были описаны рядом авторов (*Борисов 1993; Белоусов 1995; Коренькова 2014*). В частности, Сергеем Борисовым утверждается, что черный юмор начинает свое шествие по России с 19 века после перевода с немецкого стихотворных рассказов «Степки-растрепки» — назидательно-запугивающих повествований психиатра Генриха Гофмана, исполненных натуралистичным описанием жестоких смертей (*Борисов 1993*). В начале 20 века становятся популярными стихотворные и рисованные детские повести «Макс и Мориц» и «Плих и плюх»¹ за авторством Вильгельма Буша (1832-1908), трактующего убийство как комическую ситуацию и считающегося основоположником комикса. Поэт-юморист и иллюстратор Вильгельм Буш представляет и иллюстрирует страшные события аналогично садистским стишкам в карикатурном и одновременно гиперболизированном виде (*рисунок 1*)².

¹ Впервые в русском переводе вышли в 1890 и 1936 годах.

² <https://www.gutenberg.org/files/17161/17161-h/images/7-09.jpg>

В советское время гротеск, алогизм, поэтику абсурда и черный юмор культивировали обэриуты, среди которых главное место по праву занимает Даниил Хармс, также переводивший произведения Вильгельма Буша. После войны появляются концлагерные анекдоты (Дандес 2003: 178-188; Oring 2008: 193). Мягкий черный юмор присутствует в творчестве митьков, а отдельные его элементы прочно вошли в эстетику появившегося в конце 1960 годов андеграундного, а затем легализованного русского рока. Черный юмор проникает в серии анекдотов про вампиров, поручика Ржевского, Шерлока Холмса и доктора Ватсона, в которых особенно актуальной становится тема афганской войны. Собственно садистские стишки возникают в 1970-х годах одновременно с циклами кинозависимых анекдотов о Чебурашке и крокодиле Гене и Штирлице (Борисов 1993; Осорина 1983; Белоусов 1998).

Первые фиксации, устное и сетевое бытование садистских стишков

Вопрос о моменте возникновения жанра и первоисточнике до сих пор остается дискуссионным [Белоусов, Головин, Кулешов, Лурье 2005: 227]. Некоторое время авторство первых текстов приписывалось ленинградскому поэту Олегу Григорьеву, поскольку среди общеизвестных садистских стишков устойчиво бытовало четверостишие поэта про «электрика Петрова», потом участнику ленинградской хипповской коммуны, литератору и исследователю ОБЭРИУ — Игорю Мальскому (Белоусов 1995, 1998; Чередникова 1995; Капица, Колядич 2002; Белоусов, Головин, Кулешов, Лурье 2005: 227). Однако ни та, ни другая версия, по мнению исследователя городского и детского фольклора Александра Белоусова (1946-2023), не может быть признана достоверной и является скорее всего легендой, обосновывающей авторское происхождение фольклорных текстов (Белоусов 1998).

Среди студенческой молодежи текст «о маленьком мальчике» распространяется во второй половине 70-х годов, при этом уже в 80-е годы более сотни различных куплетов известно школьникам в разных частях СССР (Белоусов 1995, 1998). Однако в позднесоветское время существовали сложности при изучении садистских стишков: в печати их называли «городским бездуховным антифольклором» и противопоставляли «истинному народному творчеству — частушкам», не зная, что когда-то и частушки свидетельствовали о «деградации души» под «воздействием фабричной цивилизации» (Белоусов 1998: 552).

Для исследователей важной вехой стал 1990-й год, когда садистские стишки наконец публично признали жанром, достойным для собирания и изучения. Отныне распространение текстов не ограничивалось лишь устной передачей, появились письменные фиксации и ранние научные заметки (Белоусов 1998). Вслед за первой волной интереса к садистским стишкам последовал бум 1992-го года: многочисленные публикации и конкурсы в газетах, научные статьи и сборники (см. рисунок 2)¹. Благодаря газетному отбору и конкурсам публикаторов возникли новые варианты стишков с счастливым концом — «хэпиэндовки», которые, однако, не пользовались массовым спросом, но свидетельствовали о развитии фольклорного жанра (Белоусов 1998).

Вместе с тем, в 1993 году Александром Белоусовым зафиксирован сюжет, когда сыктывкарская прокуратура по заявлению местных учителей проверяла сборник детских садистских историй на предмет пропаганды насилия и жестокости (статья 228 УК РСФСР), однако состава преступления в действиях составителя сборника не обнаружила, хотя тираж сборника конфисковали, а с составителя взыскали штраф (Белоусов 1995, 1998: 552). Аналогичная ситуация произошла осенью 2017 года: в российской прессе и социальных сетях появилась информация о том, что против краснодарского поэта-распространителя стишков возбуждено уголовное дело о разжигании ненависти к атеистам². В действиях поэта, с его

Рисунок 2. «Страшилки» — антология черного юмора. Издательство «Парус». Минск. 1993. Художник А. М. Сафонов.

1 <https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-disk-public%3A%2F%2FZ135%2F1n2JIUEI06UPPMhhB9VC25a7G1nIwq0T6kC7%2F0%3D&name=%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%88%D0%B8%D0%BB%D0%BA%D0%B8.pdf&nosw=1>

2 <https://www.mk.ru/social/2017/10/19/sadistskie-stishki-popali-pod-ekstremizm.html>

слов, «троллившего так называемых верующих» в социальных сетях, якобы усмотрели состав экстремистской статьи 282 УК РФ. Вот эти два текста, которые не являются типовыми садистскими стишками, но их по праву можно отнести к протестному черному юмору:

Зацвели в лесу пролески, вдалеке щебечет птичка.
На костре со слабым треском догорает еретичка.
Людей нет хуже мерзких атеистов,
мы все же инквизицию вернем!

До недавнего времени считалось, что в постсоветский период, примерно с 90-х годов, жанр вышел из устного бытования, перешел в печатные издания и потерял былую популярность. Между тем до сих пор стишки продолжают распространяться посредством информационных технологий как постфольклорная форма *интернетлора* (Неклюдов 1995, 2003; Алексеевский 2010; Frank 2011; Петрова 2019: 202) наряду с «пирожками», «порошками» и «депресняшками» (Грамотчикова, Хоруженко 2017). Изредка садистские стишки обновляются, прежде всего в сетевом пространстве, о чем свидетельствует включение в корпус новых сюжетов, связанных с современными явлениями и проблемами. Так, с начала пандемии коронавируса сетевой интерес к жанру был обнаружен вновь. На это указывает некоторое разнообразие собранных и представленных мною в *Приложении 1* текстов, которые актуализировали и репостили взрослые пользователи социальных сетей в 2020 году. Типовая синтаксическая структура стишка (разобранная в следующем параграфе), его интонационная выразительность, простота воспроизведения рифмованного интернетлора позволили актуализировать ироничные сюжеты о маленьком мальчике (играющих детях и реже девочке) и воспроизвести знакомые с детства четверостишия или двустишия, высмеивающие введенные ограничения пережитого локдауна и панические настроения первых месяцев пандемии.

Структурные синтаксические и семантические особенности садистских стишков

Стишки представляют собой дактилические (чаще всего) четверостишия или двустишия (значительно реже — примерно четверть) с рифмующимися строчками. В первой части такого стишка обычно говорится о *невинном мальчике* (реже — о девочке или о группе детей), который занимается вроде бы обычными и повседневными дела-

ми — он играет, гуляет, находит предметы, однако в результате этих детских игровых и прогулочных активностей случаются несчастья, травмы или даже убийства, которые описываются, как правило, в заключительной строчке стишка.

Считается, что садистские стишки типологически, образно-тематически и частично хронологически близки американскому циклу анекдотов о мертвых младенцах — *The Dead Baby Joke Cycle*, распространенному в США 1960—70-е (*Дандес 2003б: 163-177; Oring 2008: 193; Коренькова 2014: 219*). С немецкими фольклорными двустишиями типа *Alle Kinder* и английскими лимериками их роднят, по мнению Татьяны Кореньковой, стихотворная форма и склонность к поэтике абсурда (*Коренькова 2014: 219*).

Рассмотрим для анализа синтактики и семантики жанра садистские стишки, бытовавшие еще в устной форме среди московских, ленинградских и таллинских школьников в 80-х годах 20 века, записанные и опубликованные Александром Белоусовым в сборнике «Русский школьный фольклор» (1998: 557-577). В корпусе собран 121 садистский стишок, в основном это рифмованные четверостишия, при этом только 29 стишков (24 % от общего массива) сокращены до двустишия.

подавляющее большинство стишков имеют типовую синтаксическую структуру и метрический рисунок, которые обладают высокой степенью продуктивности — легко усваиваются и многократно воспроизводятся в новых сюжетах. Традиционный стишок, как правило, имеет типовой зачин и начинается с введения в повествование главного героя — «маленького мальчика», его действия описываются в прошедшем времени: маленький мальчик играл, гулял, нашел, катался, залез, ловил, плыл, лежал, варил, т. п. Описание трагических последствий игры или прогулки содержится во второй части стишка, выступающей в роли пуантированной комической концовки, создающей смеховой эффект, в том числе по причине немотивированности, неправдоподобности или невозможности указанных злоключений. Морфологические особенности текста, когда ужасное событие неожиданно становится смешным, сближают стишки с анекдотами, что подтверждают ранние исследователи жанра, зафиксировавшие период устного бытования текстов в детской аудитории (включая самоназвания) (*Белоусов 1998: 550*). Указание субъекта действия, предикат действия в прошедшем времени и пуантированное описание результата — синтаксический инвариантный структурный минимум, без которого бы не сложилось типового садистского стишка. Приведем приме-

ры типовых с точки зрения синтаксиса стишков из сборника «Русский школьный фольклор»¹ (Белоусов 1998: 557-577):

Маленький мальчик в подвале играл:
Разные кранчики там открывал.
Только под утро горячий поток
Вынес вареного мяса кусок. (34)

Маленький мальчик по стройке гулял,
В бочку с бензином случайно попал.
Стал задыхаться – высунул нос.
Добренький дядя спичку поднес. (63)

Вместе с тем жанру садистских стишков также известны случаи *феминизации героя*, когда место мальчика занимает девочка (8% от общего массива), либо дети оказываются основными героями повествования (13% от общего массива). Случаются единичные случаи, когда место главного героя занимает взрослый персонаж — дедушка, бабушка, саперы (3% от общего массива). Возможно, такие случаи следует признать нетипичными с точки зрения содержания, они являются своего рода стилизацией под садистский стишок, однако морфологическая структура типового садистского стишка в них производится без искажений. Например:

Пьяная бабка за водкой пошла,
Случайно дорогу не там перешла.
Едет трамвайчик, вагоном качая,
Синие кишки на оси мотая. (75)

Отметим, что только 24 стишка (19,8% от общего массива) из анализируемого корпуса имели отличную синтаксическую структуру, без последовательного указания в первой строчке героя и его действия (субъекта и предиката действия), таких как: «*мальчик гулял, играл, нашел*». К таким стишкам относятся и вошедшее в обиход фольклорное стихотворение Олега Григорьева про электрика Петрова, а также такие, к примеру, четверостишия, где повествование идет от первого лица или изменен порядок слов.

Мне мама в детстве выколола глазки,
Чтоб я в шкафу варенье не нашел.

¹ Нумерация стишков, приведенных из сборника «Русский школьный фольклор», сохранена.

Я не хожу в кино и не читаю сказки,
Зато я нюхаю и слышу хорошо. (30)

На полу лежит мальчишка,
Весь от крови розовый.
Это папа с ним играл
В Павлика Морозова. (31)

Тихо спустились два трупа на дно...
Жалко! Пропали билеты в кино. (90)

В таблице 1 представлена статистика распределения садистских стишков, опубликованных в сборнике «Русский школьный фольклор» Александром Белоусовым, в зависимости от типа морфологической структуры (Белоусов 1998: 557-577).

Типичная синтаксическая структура садистского стишка «Маленький мальчик играл, гулял, нашел, катался, залез, лопил, плыл, лежал, варил, т. п.» + результат игры или прогулки.				Нетипичная синтаксическая структура садистского стишка
Маленький мальчик / мальчик	Девочка (феминизация жанра)	Дети / Девочки и мальчишки	Подмена ребенка взрослым	
67 (55%), при этом 11 редуцированных до двустишия	10 (8%), при этом 2 редуцированных до двустишия	16 (13%), при этом 9 редуцированных до двустишия	4 (3%)	24 (19,8%)

Таблица 1. Структурно-синтаксические модели садистского стишка.

Фольклористы отмечают, что «к началу 2000-х годов «фонд сюжетов» садистских стишков достиг порядка 350-400 инвариантов, многие из которых имели по несколько вариаций или формировали циклы» (Белоусов 1998: 555; Коренькова 2014: 220). В одной из первых публикаций, посвященных анализу садистских стишков, Кирилл Немирович-Данченко выделяет три тематических типа садистских стишков (Немирович-Данченко 1992), а именно:

1. Более слабый персонаж оказывается жертвой более старших и сильных персонажей.
2. Маленький герой сам несет гибель окружающим людям.

3. Героя калечит или убивает неперсонифицированная сила, которая становится роковой в результате нарушения героем каких-то запретов.

Указанная типология стишков наиболее адекватно отражает и включает все разнообразие сюжетного фонда стишков. Применяя указанную типологию с небольшими модификациями¹ на пилотном корпусе садистских стишков, опубликованных в сборнике «Русский школьный фольклор» Александром Белоусовым, получаем результаты, сведенные в таблице 2.

1. «Несчастные случаи, травмы»			2. «Дети-садисты»		3. «Взрослые-садисты»
Несчастные случаи, травмы, столкновения с источниками повышенной опасности — 64 стишка (53%)			Дети-садисты — 37 стишков (30,5%)		Взрослая агрессия — 20 стишков (16,5%)
1.1.Транспортные средства — источники опасности и вреда — 18 стишков (15%)	1.2.Взрывоопасные средства — 12 стишков (10%)	1.3.Иные прогулки, игры, опасные локусы, опасные предметы — 34 стишка (28%)	2.1. Дети против взрослых — 28 стишков (23%)	2.2. Дети против детей — 9 стишков (7%)	

Таблица 2. Структурно-семантические модели садистского стишка.

1. «Несчастные случаи, травмы». Большая половина садистских стишков (53% от общего массива) описывает ситуацию, когда герой получает травму или погибает в результате несчастного случая (или, выражаясь терминологией Кирилла Немировича-Данченко, по причине «столкновения с неперсонифицированной и роковой силой» — пункт 3 типологии). В этой группе лидируют два вполне устойчивых мотива:

1.1. гибель или увечье ребенка при столкновении с источником повышенной опасности — транспортным средством (каток, машина,

¹ Пункт 1 типологии К. К. Немировича-Данченко [Немирович-Данченко 1992], когда более слабый персонаж оказывается жертвой более старших и сильных персонажей, в таблице попадает в 3 графу «Взрослые-садисты» и в графу 2.2. «Дети-садисты» (которые причиняют вред другим детям).

комбайн, поезд, самосвал, ледокол, трамвай) — 15% от общего массива;

Маленький мальчик на льдинке играл,
Сзади к нему ледокол подплывал.
Долго смеялись на палубе дети:
Справа пол-Пети и слева пол-Пети. (92)

1.2. гибель или увечье ребенка в связи с находкой и игрой с взрывоопасными предметами (мина, динамит, граната, бомба, снаряд) — 10 % от общего массива.

Милая девочка с именем Рита
Жопу чесала куском динамита.
Взрыв прозвучал на улице Жданова —
Ноги в Медведково, *опа в Чертаново. (22)

Оставшиеся стишки (графа 1.3. — 28% от общего массива) также можно раздробить на группы, объединенные конкретной причиной несчастного случая и источником причинения вреда ребенку, однако в силу их малочисленности укажем лишь то, что группу стихов составляют ситуации, когда несчастный случай наступает во время:

— игры или прогулки ребенка в опасных или условно опасных локациях (стройка, крыша, лифт, подвал, асфальт («сальто на асфальте»), песочница, пруд);

— игры или находки опасных электрических или колющих предметов (провода, розетка, трансформатор, холодильник, топор).

Мальчик засунул два пальца в розетку:
Все, что осталось, собрали в газетку. (25)

Девочка Таня на лифте каталась:
Ноги уехали, *опа осталась. (41)

Маленький мальчик по стройке гулял.
И в трансформатор случайно попал.
Долго рыдала счастливая мать:
Дите в крематорий не надо сдавать. (68)

2. «Дети-садисты». Чуть меньше трети стихов (30,5% от общего числа) описывают ситуацию, когда в результате подарка или находки опасного оружия (кинжал, пистолет, пулемет, зенитка), предмета (веревка, кимоно, самокат), прогулки (в поле, чужом огороде) или игры в подвале (в гестапо, в садистов, в индейцев, в роддом) герой (герои)

стишка причиняет (причиняют) вред близкому кругу родственников, другим взрослым, мальчикам и девочкам, школьному коллективу или даже поселению. При этом можно выделить две группы лиц, пострадавших от героя (героев) стишка:

2.1. взрослые — 28 стишков (23% от общего числа)

Маленький мальчик нашел пулемет.
Больше в деревне никто не живет.
Только осталась там тетка Матрена...
Жаль, на нее не хватило патрона. (11(+Б))

Дети в подвале играли в гестапо:
Зверски замучен сантехник Потапов.
Зверски замучен, зверски убит —
Гаечный ключ между ребер торчит. (35(+Б))

2.2. дети — 9 стишков (7% от общего числа)

Дети в подвале играли в роддом:
Маша уйдет с большим животом. (39(Б))

Ржавой отверткой на грязной фанерке
Делали дети аборт пионерке. (40)

Очевидно, что представленную группу стишков характеризует циничное описание реальной и/или преувеличенной детской агрессии, запрещенной к проявлению в обществе. Следуя логике Алана Дандеса, рассматривающего фольклорные тексты в качестве социально санкционированной «отдушины», можно предположить, что эта группа стишков выражает подростковые деструктивные стремления и агрессию в отношении взрослых и сверстников.

3. «Взрослые-садисты». И, наконец, самая малочисленная (16,5% от общего числа), но наиболее популярная среди школьников группа садистских стишков, касается трагически погибающих беззащитных и неповинных детей в результате агрессии и насилия взрослых.

Маленький мальчик играл в водолаза:
Смело спускался на дно унитаза.
Добрая тетя нажала педаль —
Мальчик унесся в вонючую даль. (32)

Девочка Катя в мячик играла,
Девочка мячиком в дядю попала.

Дядя сказал: «У, стрекоза!»
Долго на пальцах блестели глаза. (52)

Маленький мальчик на вишню залез.
Дед Афанасий достал свой обрез.
Выстрел раздался. Пронзительный крик.
«Сорок второй!» — улыбнулся старик. (73 (A))

Маленький мальчик по речке плывет.
Дедушка Сидор навел пулемет.
К небу взметнулся мальчишеский крик.
«Тоже Чапаев!» — хихикнул старик. (94)

Маленький мальчик с ножкой хромой
Супчик хлебал из тарелки большой.
«Хватит! Нажралась, скотина хромая!» —
Мать сказала, топор доставая. (96)

Представленные в таблице 2 (в частности, в графе 1.1) результаты удивительным образом коррелируют с современными статистическими данными и структурой детской и подростковой смертности, указанными в докладе ВОЗ 2009 года, где гибель детей и подростков от транспортных средств занимает первое место и составляет 39% от всех непреднамеренных причин смертности, что приводит к организации мероприятий на государственном уровне, необходимых для снижения представленных показателей¹. В силу отсутствия статистических данных о детской и подростковой смертности в 70-80 годах 20 века сложно проводить какие-то серьезные оценки и сопоставления, однако известны темпы роста автомобильного парка СССР. Так, согласно справочнику Госкомстата СССР, например, количество легковых и грузовых автомобилей в стране выросло с 173.200 легковых и 1.009.100 грузовых в 1950 году до 8.889.000 легковых и 3.386.891 грузовых автомобилей в 1980-м году². Указанное увеличение автомобильного парка СССР могло увеличить долю детской и подростковой смертности в результате столкновения с источниками повышенной опасности — транспортными средствами. Именно такие причины детской смертности могли привести к неконтролируемым страхам и избыточным

¹ Стр. 9 Доклада ВОЗ от 2009 года. http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0005/98744/E92049R.pdf

² Справочник Госкомстата СССР — Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный стат. ежегодник / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1987. 766 с.

предостережениям со стороны взрослых, если придерживаться психоаналитической теории Алана Дандеса, раскрывающей причины появления актуальных фольклорных текстов (*Дандес 2003а; Frank 2011*), и, как следствие, к особенной популярности сюжетного цикла стишков, где герой трагически погибает при столкновении с транспортным средством.

Социально-исторический контекст и функции садистских стишков

Колоссальную популярность и продуктивность жутковатых и одновременно смешных садистских стишков исследователи объясняют тремя типами интерпретирующих нарративов. Различия в научных гипотезах существуют из-за вариативного понимания возрастной аудитории, жанровых контекстов и прагматики (*Адоньева 2004*), а также содержания предмета высмеивания и пародирования, по причине которых возникает, функционирует, воспроизводится и передается садистский стишок (*Дандес 2003; Oring 2008; Кукса 2022*).

Коммуникативная и ритуалистическая прагматика: стишок как способ подростковой коммуникации, социализации и инициации

Исследование бытования разных жанров и видов детского фольклора (включая сатирический) приводит Светлану Лойтер к выводу, что «весь детский фольклор — игровой по преимуществу», а основополагающим его признаком является игровая природа и характер (*Лойтер 2020*). Первооткрывательница «страшных историй» Мария Осорина к многочисленным метафункциям детского фольклора причисляет *коммуникационное и телесное общение с ребенком с элементами игры, социализацию и приобщение ребенка к миру взрослых и культуре*. Поэтому автор рассматривает детский фольклор как «язык детской субкультуры», закрепленный в корпусе текстов (считалки, игры, дразнилки, шутки, анекдоты, «страшные» рассказы и т. п.) и выполняющий «*информационную, коммуникативную и регулятивную функции*» для детской группы. «*Детский фольклор вооружает ребенка готовыми*

формулами и текстами, позволяющими ему с успехом действовать в тех сложных и типичных коммуникативных ситуациях, с которыми он не справился бы самостоятельно, не найдя вовремя нужного ответа» (Осорина 1983: 39).

Развивая идеи коммуникативной и социализирующей природы детского фольклора, исследователи школьных текстов акцентируют внимание прежде всего на *ритуалистической функции стишка*, который, с их точки зрения необходим, с одной стороны, для социализации подростков и, с другой стороны, маркирует переход ребенка в новую возрастную категорию. Так, Татьяна Коренькова считает, что тексты выполняли «роль инициационных мифов в процессе социализации молодёжи до момента включения более мощных, институализированных механизмов — университетских и армейских». Указанную функцию жанра она подтверждает тем, что в 1970–2000-х годах стишки рассказывались в подростковой, преимущественно мальчишеской, среде пубертатного возраста, сопровождалась ритуалами и соревновательным агонимом (кто их больше знает и лучше рассказывает) (Адоньева 2004: 148-156). «Знание и воспроизведение этих текстов в кругу сверстников подчеркивало переход подростка в новую возрастную категорию: младших детей отпугивала сама нагнетаемая атмосфера ужаса, связанная с узнаваемыми реалиями окружающего мира и домашнего быта, а старшим, которые после 17–18 лет или поступали в университеты, или шли служить в армию, «садюшки» виделись наивными «ужасниками» из прошлой школьной жизни» (Коренькова 2014: 233-234).

Психотерапевтическая и компенсаторная прагматика: стишок как способ преодоления страха смерти и увечий через проекцию, иронию и высмеивание родительских запретов

Для других авторов стишок свидетельствует о существовании в обществе избыточных страхов детской и подростковой смертности, травм, болезней, взрослой и подростковой агрессии, насилия, вины. Придерживаясь психоаналитической теории Алана Дандеса, объясняющей причины существования фольклорных текстов, включая анекдоты и тошнотворный юмор (*sick humor*) (Дандес 2003б: 163; Oring 2008; Кукса 2022), можно предположить, что функционирование жанра садистских стишков, иронизирующих над кровавыми трагедиями,

может свидетельствовать о бессознательном табуировании предмета высмеивания, о необходимости высвобождения, сублимации, компенсации подавляемых эмоций через проективный механизм, в том числе, через передачу фольклорных текстов. В целом фольклор, по мнению Алана Дандеса, представляет собой социально санкционированную «отдушину», позволяющую обществу и его отдельным подгруппам выражать, преодолевать и трансформировать свои страхи, подавленные желания, неразрешимые конфликты, властные или деструктивные стремления и т. п. Алан Дандес подчеркивает, что «устные формы юмора в качестве отдушины или освобождения были бы менее эффективны, если бы мы по-настоящему осознавали, что говорим и над чем смеемся» (Дандес 2003а: 122). Фольклор всегда отражает свою эпоху, поэтому «хотим мы этого или нет, но анекдоты о мертвых младенцах являются отражением американской культуры 60-70-х годов. Если оно нам не по нраву, мы не должны пенять на зеркало. Нездоров не юмор, а общество, его производящее. Даже если было бы возможно такое вмешательство цензуры, которое уничтожило бы анекдоты, это не решило бы проблемы, обусловившие возникновение этих фольклорных произведений» (Дандес 2003б: 174).

В среде русскоязычных фольклористов также распространена идея, согласно которой садистские стишки, представляя несчастья, травмы и гибель в гиперболизированной форме и с гротескной образностью, оказывают психотерапевтическое воздействие, необходимое ребенку (а не взрослому, как это будет описано ниже), чтобы с «помощью смеха дистанцироваться от образа смерти и побороть детские страхи». В этом, по мнению исследователей жанра, проявляется функциональное сходство стишков со страшилками, у которых, однако, сохраняется принципиальное жанровое отличие от стишков, поскольку они прививают «сугубо «серьезное» и отчасти мистическое отношение к страшному» (Белоусов, Головин, Кулешов, Лурье 2005: 228).

По мнению Марины Чередниковой (1940-2023) и Кирилла Немирович-Данченко, стишки не только высмеивают идеологические штампы и бесконфликтную псевдооптимистическую советскую детскую литературу 1930-1970-х годов, но также иронически воспроизводят воспитательный «миф взрослых, в чем воспаленном воображении торжество «ужасного случая» оказывается неминуемым законом жизни». Подростки понимают, что без нарушения раздражающих и чрезмерных родительских указаний невозможно познание мира, поэтому «родительские «страшилки», иллюстрирующие систему воспитательных запретов, бумерангом возвращаются в эпатаже садистских стишков» (Чередникова 1995: 62; Немирович-Данченко 1992). Отметим, что Алек-

сандр Белоусов также объясняет исключительный успех, который выпал на долю садистских стишков в детской среде, тем, что они самым непосредственным образом противодействуют вербальному потоку родительских поучений, предостережений и запугиваний. Хотя исследователь выделяет прежде всего контрпропагандистскую функцию жанра и дискредитацию идеологической цензуры и пропаганды всех уровней¹ (Белоусов 1995, 1998: 551). Но в том числе, с его точки зрения, стишки *противостоят назойливым нравоучениям старших и демагогическому преувеличению детской глупости и роковой неосторожности, гротескно высмеивают «страх смерти, который владеет взрослыми и от которого свободны дети»* (Белоусов 1998: 550-551).

Контрпропагандистская прагматика: стишок как жанр альтернативной словесности, высмеивающей советские штампы, или как перформативный способ приспособления к позднесоветской повседневности

Если, как уже было упомянуто, Александр Белоусов высказывает сомнения в авторском происхождении садистских стишков (1998), Михаил Лурье подтверждает «взрослую» родословную текстов, прежде всего политизированных (2007: 288-289). В любом случае исследователи зафиксировали параллельное бытование стишков во взрослой и детской среде, что позволяет им объяснять различия в прагматике и специфике функционирования одинаковых стишков в разных возрастных группах.

Однако, как было уже отмечено выше, ранние исследователи садистских стишков практически единогласно относили жанр прежде всего к *альтернативной молодёжной словесности, (1) высмеивающей оптимистичную детскую литературу, миф о счастливом детстве, тексты и интонации советской поэзии; (2) дискредитирующей пропагандистскую продукцию и полемизирующей с господствующими взглядами, общепринятыми ценностями и стереотипами; (3) пародирующей*

¹ Еще Ю. М. Лотман подсказал значимость контрпропагандистской прагматики А. Ф. Белоусову во время доклада на семиотическом семинаре в Тарту зимой 1986 года [Белоусов 1995: 690].

щей стереотипные речевые формы, идеологический и художественный ширпотреб (Белоусов 1998: 548; Чередникова 1995; Лурье 2007: 290).

Источники американского антрополога Алексея Юрчака подтверждают контексты бытования стишков и предмет высмеивания: *«стишки работали на обнаружение в советской повседневности жуткого и одновременно смешного. Они рассказывались обычными людьми в обычной обстановке — в школе, в компании друзей, — что делало их сродни другим проявлениям позднесоветского стёба и некроэстетики.<...> Над стишками смеялись, и сквозь смех многие морщились от ужаса или отвращения. Вряд ли кто-то интерпретировал эти истории буквально, а значит, в глубине души все в принципе понимали, что смеются они не над насилием, происходящим с героями этих стишков, а над чем-то иным».* Садистские стишки рассматриваются исследователем, однако, схожим образом, как позднесоветская ирония и стеб, высмеивающий авторитетные символы и тексты советской системы. Невероятная живучесть этого фольклорного жанра в позднесоветский период, а также падение его популярности в постсоветский, указывает, по мнению Алексея Юрчака, *«на тот же культурно-политический сдвиг в позднесоветском обществе, который привел к появлению групп, подобных Митькам или некрореалистам. К тому же, как и в случае обеих этих групп, в основе этого жанра лежали принципы не только иронии вненаходимости, но и биоэстетики (точнее, даже некроэстетики, как у некрореалистов)».* *«Стишки служили иронично-агрессивной имитацией перформативного сдвига, которому подвергались авторитетные символы и тексты советской системы. Благодаря им на мгновение становилось видимым полное несоответствие между формой репрезентации, наполнявшей советскую повседневность, и смыслом, который в эту форму вкладывался в реальных ситуациях, — несоответствие, о существовании которого все в принципе знали и в воспроизводстве которого сами принимали участие, но которое обычно не обсуждалось и о котором было лучше не задумываться»* (Юрчак 2014: 496-498).

Таким образом, в том числе на примере контекстов бытования садистских стишков и ироничных смыслов их актуализации и трансмиссии, Алексей Юрчак, с одной стороны, оспаривает традиционную дихотомию советологов, упрощенно делящих советский дискурс и ритуалы на конформистские и диссидентские (антисоветские), и, с другой стороны, развивает концепцию пространства и свободы вненаходимости (не тождественную при этом аполитичности, апатии или внутренней миграции) позднесоветских граждан в отношении авторитетного дискурса советского государства, которая объясняет воспроизводство системы при одновременной имитации официальных

ритуалов и текстов за счет наполнения их ироничными смыслами и стебом, способствующими перформативному сдвигу всей советской идеологии и системы (Юрчак 2014)¹.

Заключение

В статье описана типичная синтаксическая структура позднесоветского садистского стишка (жанра городского фольклора), когда в половине случаев героем стишка становится (маленький) мальчик, в остальных случаях героями являются дети, девочка или сами взрослые. На примере позднесоветского школьного корпуса, опубликованного в сборнике «Русский школьный фольклор» Александром Белоусовым (1998: 557-577), мною приведена и апробирована структурно-семантическая классификация (трихотомия), когда либо герою вредит или убивает непреодолимая сила, либо он сам несет вред и гибель окружающим, либо герой оказывается жертвой старших персонажей. Половина позднесоветского школьного корпуса описывает сюжеты столкновения протагониста с источниками повышенной опасности и гибель в результате травм и несчастных случаев. Треть стишков касается ситуации, когда герой стишка причиняет вред близкому кругу родственников, другим взрослым, мальчикам и девочкам, школьному коллективу или даже поселению. Самая малочисленная, но наиболее популярная среди школьников группа садистских стишков, касается трагически погибающих беззащитных и неповинных детей в результате агрессии и насилия взрослых.

Многообразие академических гипотез в отношении прагматики и контекстов бытования фольклорного жанра для разных возрастных аудиторий, проанализированных мною в настоящей статье, можно объединить в три группы, каждая из которых выдвигает свои интерпретации потребностей для актуализации и трансмиссии рифмованных текстов в позднесоветских и современных условиях. Коммуникативная и ритуалистическая рамка позволяет объяснить

¹ Для анализа состояния «вне» применительно к образу жизни позднесоветских граждан и условий производства, распространения и интерпретации советского авторитетного дискурса различными акторами Алексей Юрчак [Юрчак 2014] применяет язык, разработанный Михаилом Бахтиным в его ранней работе «Автор и герой в эстетической деятельности», в которой для определения особых отношений, которые складываются в литературном тексте между автором и героем, введено понятие вненаходимости [Бахтин 1979: 9-191].

функционирование стишков через игровые механизмы детской социализации и возрастной инициации. Психотерапевтическая и компенсаторная концептуализация предлагает весь репертуар постфрейдистских объяснительных моделей: от механизмов проективной инверсии и переноса табуированной агрессии, деструктивных стремлений с помощью тошнотворного юмора до высмеивания родительских запретов и нравоучений, а также саркастического преодоления страхов смерти и увечий. И, наконец, контрпропагандистская рамка смотрит на гротескно-шокирующий стишок как на форму диссидентского двоемыслия и дискредитации чтецом/слушателем/читателем окружающей действительности, а также девальвации идеологических штампов и псевдооптимистичной детской литературы. Последней теоретической рамке противостоят концепция пространства и свободы внеходимости позднесоветских граждан к авторитетному дискурсу (в изложении Алексея Юрчака) (Юрчак 2014), а также идея воображения преемственности с советским проектом через обращение к темпорализующим девайсам типа капсулы времени и иным «формам консервации времени» (в изложении Елены Малой) (Малая 2020). Благодаря названным концепциям, на мой взгляд, легко объясняются как «вне-находимые» контексты бытования первых садистских стишков, так и воспроизводство современных текстов со знакомой структурой, зачином для высмеивания актуальных проблем.

Информационные технологии способствуют масштабному и скоростному распространению постфольклора, заменяющему устные и газетные миграции садистских стишков, что позволяет сохранить жанру и перейти в *сетевое бытование в качестве интернетлора* (Неклюдов 1995, 2003; Алексеевский 2010; Frank 2011; Oring 2016; Петрова 2019: 202). Поскольку большинство стишков имеют типовую синтаксическую структуру и метрический рисунок, они легко усваиваются и многократно воспроизводятся в новых сюжетах — достаточно лишь указать субъекта действия, предиката действия в прошедшем времени и пуантированной комической концовки, создающей смеховой эффект (как в анекдоте, в том числе по причине немотивированности, неправдоподобности или невозможности трагических событий (Кукса 2022)). Простота воспроизведения рифмованного интернетлора и типовая морфология текста объясняют трансформацию постфольклорного жанра в сетевое бытование, а также живучесть и продуктивность четверостиший и двустиший в позднесоветских и современных условиях.

Библиография / References

Frank, Russell. (2011). *Newslore: Contemporary folklore on the Internet*. University Press of Mississippi.

Oring, Elliott. (2008). Humor in anthropology and folklore. In V. Raskin (Ed.), *The primer of humor research*. Mouton de Gruyter, 183–210.

Oring, Elliott. (2016). *Joking asides: The theory, analysis, and aesthetics of humor*. University Press of Colorado.

Адоньева, Светлана. (2004). *Прагматика фольклора*. Спб: Амфора.
— Adon'yeva, Svetlana. (2004). *Pragmatika fol'klora*. Spb: Amfora.

Алексеевский, Михаил. (2010). Интернет в фольклоре или фольклор в Интернете? (Современная фольклористика и виртуальная реальность). *От Конгресса к Конгрессу. Навстречу Второму Всероссийскому конгрессу фольклористов*, 151–166.

— Alekseyevskiy, Mikhail. (2010). Internet v fol'klоре ili fol'klor v Internetе? (Sovremennaya fol'kloristika i virtual'naya real'nost'). *Ot Kongressa k Kongressu. Navstrechu Vtoromu Vserossiyskomu kongressu fol'kloristov*, 151–166.

Бахтин, Михаил. (1979). Автор и герой в эстетической деятельности. *Эстетика словесного творчества*, 9–191. М.: Искусство.

— Bakhtin, Mikhail. (1979). Avtor i geroy v esteticheskoy deyatel'nosti. *Estetika slovesnogo tvorchestva*, 9–191. М.: Iskusstvo.

Белоусов, Александр. (1995). Воспоминания Игоря Мальского. «Кривое зеркало действительности»: к вопросу о происхождении «садистских стишков». *Лотмановский сборник-1*, 681–691. М.: ИЦ-Грант.

— Belousov, Aleksandr. (1995). Vospominaniya Igorya Mal'skogo. «Krivoye zerkalo deystvitel'nosti»: k voprosu o proiskhozhdenii «sadistskikh stishkov». *Lotmanovskiy sbornik-1*, 681–691. М.: ITS-Grant.

Белоусов, Александр. (1998). Садистские стишки. *Русский школьный фольклор: от «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов*, 545–577. М.: Ладомир.

— Belousov, Aleksandr. (1998). Sadistskiye stishki. *Russkiy shkol'nyy fol'klor: ot «vyzyvaniy» Pikovoy damy do semeynykh rasskazov*, 545–577. М.: Ladomir.

Белоусов, Александр, Валентин Головин, Евгений Кулешов, & Михаил Лурье. (2005). *Детский фольклор: итоги и перспективы изучения*. *Первый всероссийский конгресс фольклористов*, 226–228.

— Belousov, Aleksandr, Valentin Golovin, Yevgeniy Kuleshov, & Mikhail Lur'ye. (2005). *Detskiy fol'klor: itogi i perspektivy izucheniya*. *Pervyy vserossiyskiy kongress fol'kloristov*, 226–228.

Борисов, Сергей. (1993). Эстетика «черного юмора» в российской традиции. Из истории русской эстетической мысли: *Межвуз. сборник науч. трудов*, 139–153. СПб.

— Borisov, Sergey. (1993). Estetika «chernogo yumora» v rossiyskoy traditsii. Iz istorii russkoy esteticheskoy mysli: *Mezhvuz. sbornik nauch. trudov*, 139–153. SPb.

ГраMATчиКова, Наталья, & Татьяна Хоруженко. (2017). *Постфольклор и интернетлор: учебно-методическое пособие*.

— Gramatchikova, Natal'ya, & Tat'yana Khoruzhenko. (2017). *Postfol'klor i internetlor: uchebno-metodicheskoye posobiye*.

Дандес, Алан. (2003а). О слонофантазиях и слоноциде (совместно с Р. Эбрахамсом, 1969). *Фольклор: семиотика и/или психоанализ. Сборник статей*, 119–136. М.: Восточная литература.

— Dandes, Alan. (2003a). O slonofantaziyakh i slonotside (sovmestno s R. Ebrakhamsom, 1969). *Fol'klor: semiotika i/ili psikhoanaliz. Sbornik statey*, 119–136. M.: Vostochnaya literatura.

Дандес, Алан. (2003б). Цикл анекдотов о мертвых младенцах. *Фольклор: семиотика и/или психоанализ. Сборник статей*, 163–177. М.: Восточная литература.

— Dandes, Alan. (2003b). Tsikl anekdotov o mertvykh mladentsakh. *Fol'klor: semiotika i/ili psikhoanaliz. Sbornik statey*, 163–177. M.: Vostochnaya literatura.

Капица, Федор, & Татьяна Колядич. (2002). *Русский детский фольклор*. М.: Флинта, Наука.

— Kapitsa, Fedor, & Tat'yana Kolyadich. (2002). *Russkiy detskiy fol'klor*. M.: Flinta, Nauka.

Коренькова, Татьяна. (2014). Метафоры «еды» и «питья» в русском фольклорном жанре садистских стишков. *Küche und Kultur in der Slavia: eigenes und Fremdes im ausgehenden*, 20, 219–238. Jahrhundert: Universitätsverlag Potsdam.

— Koren'kova, Tat'yana. (2014). Metafory «yedy» i «pit'ya» v russkom fol'klornom zhanre sadistskikh stishkov. *Küche und Kultur in der Slavia: eigenes und Fremdes im ausgehenden* 20, 219–238. Jahrhundert: Universitätsverlag Potsdam.

Кукса, Татьяна. (2022). «Возвращается муж из командировки»: дисциплинарные взгляды на супружескую измену в анекдоте. Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований, 7(2), 162-182.

— Kuksa, Tat'yana. (2022). «Vozvrashchaetsya muzh iz komandirovki»: disciplinarnye vzglyady na supruzheskuyu izmenu v anekdote. Praktiki i interpretacii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nyh i kul'turnyh issledovaniy, 7(2), 162-182.

Лойтер, Софья. (2020). Возвращаясь к некоторым вопросам теории детского фольклора. *Славянская традиционная культура и современный мир*, 1, 16–28.

— Loyter, Sof'ya. (2020). Vozvrashchayas' k nekotorym voprosam teorii detskogo fol'klora. *Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyy mir*, 1, 16–28.

Лурье, Михаил. (2007). Садистский стишок в контексте городской фольклорной традиции: детское и взрослое, общее и специфическое. *Антропологический форум*, 6.

— Lur'ye, Mikhail. (2007). Sadistskiy stishok v kontekste gorodskoy fol'klornoy traditsii: detskoye i vzrosloye, obshcheye i spetsificheskoye. *Antropologicheskii forum*, 6.

Малая, Елена. (2020). Капсула времени в постсоветском совхозе. *Антропологический форум*, 47, 84–110.

— Malaya, Yelena. (2020). Kapsula vremeni v postsovetskom sovkhوزه. *Antropologicheskii forum*, 47, 84–110.

Неклюдов, Сергей. (1995). После фольклора. *Живая старина*, 1, 2–4.

— Neklyudov, Sergey. (1995). Posle fol'klora. *Zhivaya starina*, 1, 2–4.

Неклюдов, Сергей. (2003). Фольклор современного города. *Современный городской фольклор*, 5–24. М.: РГГУ.

— Neklyudov, Sergey. (2003). Fol'klor sovremennogo goroda. *Sovremennyy gorodskoy fol'klor*, 5–24. М.: RGGU.

Немирович-Данченко, Кирилл. (1992). Наблюдения над структурой «садистских стишков». *Школьный быт и фольклор: Учебный материал по русскому фольклору*, 124–137. Таллинн.

— Nemirovich-Danchenko, Kirill. (1992). Nablyudeniya nad strukturoy «sadistskikh stishkov». *Shkol'nyy byt i fol'klor: Uchebnyy material po russkomu fol'kloru*, 124–137. Tallinn.

Осорина, Мария. (1983). Современный детский фольклор как предмет междисциплинарных исследований (к проблеме этнографии детства). *Советская этнография*, 3, 34–45.

— Osorina, Mariya. (1983). Sovremennyy detskiy fol'klor kak predmet mezhdistsiplinarykh issledovaniy (k probleme etnografii detstva). *Sovetskaya etnografiya*, 3, 34–45.

Петрова, Наталья. (2019). Фольклористика в деревне, городе и Интернете: развитие понятия «фольклор» и предметные границы дисциплины. *Фольклор: структура, типология, семиотика*, 2(1), 190–206.

— Petrova, Natal'ya. (2019). Fol'kloristika v derevne, gorode i Internetе: razvitiye ponyatiya «fol'klor» i predmetnyye granitsy distsipliny. *Fol'klor: struktura, tipologiya, semiotika*, 2(1), 190–206.

Чередникова, Майна. (1995). «Маленький мальчик» в контексте нового мифа. *Мир детства и традиционная культура: Сб. науч. трудов и материалов*, 60–72.

— Cherednikova, Maina. (1995). «Malen'kiy mal'chik» v kontekste novogo mifa. *Mir detstva i traditsionnaya kul'tura: Sb. nauch. trudov i materialov*, 60–72.

Юрчак, Алексей. (2014). Стишки-страшилки. Это было навсегда, пока не кончилось: Последнее советское поколение, 495–498. М.: *Новое литературное обозрение*.

— Yurchak, Aleksey. (2014). Stishki-strashilki. Eto bylo navsegda, пока не konchilos': *Posledneye sovetskoye pokoleniye*, 495–498. М.: *Novoye literaturnoye obozreniye*.

Приложение 1

Маленький мальчик прочёл Бытие,
кончилась жизнь, началось житие (2016).

2020

Маленький мальчик COVID подхватил,
К бабушке в гости без маски ходил.
Выгоды он получил сразу две,
Антитела и квартиру в Москве.

Маленький мальчик простуду схватил
И бабушку с дедушкой он навестил.
Запах и вкус не почувствовал дед,
Пресный из мальчика вышел обед.

Маленький мальчик закашлял в трамвае,
С поручней кровь три часа отмывали.

Маленький мальчик закашлял в трамвае,
Плакала мать, кровь со стен отмывая.

Лёше сломали очки и ребро —
Нефиг без маски спускаться в метро.

Девочка Оля не верила в сказки
И в магазин заскочила без маски.
ЧОП объяснил ей опасность КОВИДа:
Мать воспитает дочь-инвалида.

Школьникам в классе привили вакцину.
В школу мгновенно пришла дисциплина —
Нет больше визга на переменах,
Лишь ветер гуляет в покинутых стенах.

Дети в кустах в пандемию играли,
Дворник без маски шагал к магистрали.
Грязные тапки торчат из цемента —
Нету пощады ковид-диссидентам!

Маски, бахилы, перчаточки в ряд —
В лагерь не едет отряд октябрят.
Легкое слева, легкое справа —
Это погибла вожатая Клава.

В мусорке ржавый нашли ИВЛ,
Больше в деревне никто не болел.

Дети в подвале играли в COVID —
Люди исчезли с планеты как вид.

Дети в подвале играли в ковид —
Дворник чипирован был и привит.

Старенький дедушка не умирает,
Черти без масочки в ад не пускают.

Старенький дедушка не умирает —
Хода без маски нет к аду и раю.□